

**РИСКОЛОГИЯ НООСФЕРНОЙ ИСТОРИИ:
ЭКОЛОГО-СЕМИОТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ**
**RISKOLOGY OF THE NOOSPHERIC HISTORY:
ECO-SEMIOTIC PROBLEMS OF SECURITY**

Г. С. Смирнов, Д. Г. Смирнов
G. Smirnov, D. Smirnov

*Ивановский государственный университет, г. Иваново, Российская Федерация
gssmirnov@mail.ru, dissovet_212@mail.ru
Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation*

Статья посвящена анализу феномена ноосферной истории в контексте представлений о рискологии и секьюритологии. Раскрыты философские основания концепции ноосферной истории и продемонстрирована эвристичность категории «ноосферная система» применительно к анализу бытия современного социума. Предложен вариант комплексной методологии глобальных исследований, сочетающий сильные стороны сферного, системного, синергетического и семиологического подходов. Показано, что ноосферный поворот, в котором находится нынешнее мировое сообщество, выдвигает на первый план «опасности» эко-семиотического спектра. Предложены расширенные трактовки экологического императива и семиотического императива через призму инвайронментальной парадигмы. Зафиксированы основные риски и угрозы для этиологии человека, связанные с партикуляризацией глобального сознания и семиотической слепотой (близорукостью).

The article is devoted to the analysis of the noospheric history phenomenon in the context of the riskology and securitology concepts. The philosophical foundations of the noospheric history concept are revealed. It is shown that category «noospheric system» demonstrates its heuristicity as applied to the analysis of the postmodern society being. A variant of a comprehensive global research methodology that combines the strengths of the spheric, system, synergetic and semiological approaches is proposed. The authors stress that the noospheric turn, in which the contemporary world community is now located, highlights the dangers of the eco-semiotic spectrum. Extended interpretations of the ecological imperative and semiotic imperative through the prism of the environmental paradigm are defined. The main risks and threats to the ethology of a person as well as the mankind associated with the particularization of the global consciousness and semiotic blindness (myopia) have been discovered.

Ключевые слова: ноосфера, семиосфера, ноосферная система, инвайронментальная парадигма, экологический императив, семиотический императив, глобальный катастрофизм, ноомахия

Keywords: noosphere, semiosphere, noospheric system, environmental paradigm, ecological imperative, semiotic imperative, global catastrophism, noomahia

Экология как сфера междисциплинарного знания о биосфере, отчетливо заявившая о себе в XX веке, постепенно приобретает форму целостной рефлексии человека над настоящим и будущим своего общего дома: «экологическая» биосферология дополняется ноосферно-экологическим видением мира. Экологические проблемы XXI в. – это аспекты не только биосферы, но и вопросы техносферы: к биосферной рискологии закономерно добавилась рискология техносферная, что позволило сформулировать идею о системной рискологии. Расширение предметной области экологии и научного знания в целом во много обусловлено более глубоким проникновением мыслью в закономерности исторического процесса. «Глобализация истории» продемонстрировала ограниченность партикулярных моделей осмыслиения исторического процесса, провозгласив в качестве регулятива принцип дополнительности. Возникшие в недрах этой традиции большая история, громадная история, универсальная история, глобальная история, инвайронментальная история и другие метаисторические парадигмы утверждают эвристичность взгляда на исторический процесс «как бы извне», с «высоты птичьего полёта» и его анализа с системных позиций.

Координаты нашей системы референций задаются концепцией академика В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу [1], его представлениями о феноменах автотрофности [2] и цефализации (в том числе в его постнеклассической трактовке) [3], который имплицитно отсылает к принципу номогенеза Берга. В купе указанные идеи раскрывают ноосферную природу исторического процесса, а в исследовательском плане позволяют сформулировать концепцию ноосферной истории, которая в культурологической перспективе фундируется работами Ю. М. Лотмана, Д. С. Лихачёва, Н. Н. Моисеева, в антропологической плоскости подтверждается исследованиями П. Тейяра де Шадена, Г. Бейтсона и Вяч. Вс. Иванова. Ноосферность как качественная характеристика истории (ее системообразующее свойство) может быть интерпретирована в различных дискурсах, но в самом общем плане *ноосферная история* предстает как процесс подстраивания материи под формы духа, или, иначе,

материальных условий, потребностей, интересов под формы сознания; как динамический процесс совершенствования мирового (коллективного и индивидуального) разума.

Границы осмысления ноосферной истории определяются не только рядоположенностью фундаментальных срезов культуры (способов духовного освоения мира) – мифологии, религии, философии, науки и искусства, – но и обуславливаются сильным синтезом инвайронментального, семиологического, системного и синергетического подходов. Инвайронментальная парадигма, которая в русском языке, благодаря небольшой смысловой редукции, оказывается средовой, предполагает, что критически важным фактором для разворачивания истории, развития включенных и вовлеченных в нее элементов (человека как субъективного фактора, социальных институтов, социокультурных систем) оказывается среда – сфера (лоно) их бытования и бытия. Такое видение инвайронментализма, помещенное в ноосферный дискурс, позволяет помыслить environment в постнеклассическом ключе как окружение среды ума, или разума, а собственно *инвайронментальную историю – как историю умопостигаемого окружения, где среда формирует разум, а разум формирует среду*. Диалектика разума и среды оказывается здесь самым интересным сюжетом, ибо допускает различные онтологико-когнитивные сочетания: разумного разума и неразумной среды, неразумного разума и разумной среды, разумного разума и разумной среды и, наконец, неразумного разума и неразумной среды. Семиология истории ценна для нас прежде всего тем, что позволяет увидеть семиотическую подоплеку причинно-следственных связей больших и малых исторических кейсов. Семиотический принцип, лежащий в основе рассматриваемой парадигмы, гласящий – «в истории культуры отбираются те именно знаковые системы и тексты, которыми развитие человечества направляется в сторону ноосферы» [4, с. 12], можно экстраполировать в целом на событийную ткань истории. В этом случае, конкретные сюжеты локальной и глобальной истории соотносятся не просто как причина и следствие (равно как в монистическом, так и плюралистическом вариантах детерминизма), но как означаемое и означающее. Иными словами, семиологический подход приоткрывает тайны кода Истории, показывая, с одной стороны, тотальную взаимосвязь и взаимозависимость ее событийных тональностей, а с другой – критически определяющую роль человека в их выборе (отборе). Синергетическая парадигма отсылает к принципам и механизмам социокультурной самоорганизации, имеющим непосредственное отношение как к динамике коллективного и индивидуального разума, равно как и к триадике индивидуального, общественного и глобального сознания. В силу того, что спонтанная деятельность сознания утверждает третьестепенность формально-логических связей и необъявленность цели, практически невозможно установить в какой точке конкретного индивидуального универсума «впервые» зарождается посыл к действию. Для такого взгляда на историю, действительно, становятся важны, по меткому замечанию Вяч. Вс. Иванова, концы, а не начала, что демонстрирует непреходящее значение фьючерных образов и символов потребного будущего. Системный подход, разделяемый нами в интерпретации И. В. Дмитревской, позволяет рассмотреть историю как трехуровневую конструкцию – на уровне субстрата (элементов), структуры (системного отношения) и концепта (системообразующего свойства), при этом нисходя от последнего к первому. Дедуктивная природа подобного алгоритма позволяет судить об адекватности структуры концепту, а субстрата структуре, что свидетельствует, в свою очередь, о целостном историософском представлении. Такой подход в полной мере соответствует своеобразному клиологическому кругу, в котором происходит онто-гносеологический круговорот: от исторического факта (субстрата) к аутентичной теории (концепту) в онтологической плоскости и от теории (концепта) к историческому факту (без которой он уже, по сути, не существует или, скажем мягче, не существенен) в плоскости познавательной. Именно здесь в полной мере обнаруживает себя диалектика материи и сознания (разума).

Сказанное выше позволяет говорить об истории как процессе синхронного и асинхронного сосуществования ноосферных систем, которые оказываются акторами (субъективными – живыми, одушевленными – факторами) и актантами (объективными – неодушевленными – факторами), задающими аттрактивные формы для движения к состоянию устойчивости труда и разума цивилизованного человечества. Представления о ноосферной системе эксплицируются при семиотическом анализе наследия В. И. Вернадского. Очевидно, что для него наука (научная мысль) как планетное явление есть не что иное, как ноосферная система. Его последние работы предугадывают становление планетарной (а может, и космо-планетарной) ноосферной системы, системообразующим свойством которой является автотрофность. Природа ноосферной системы в определенной степени раскрыта в представлениях о нообиогеоценозе. Данное понятие показывает, что процесс перехода биосфера в ноосферу носит сложный характер взаимодополнения различных экосистем (сред), взятых в контексте функционирования в них различных моделей разума. С точки зрения сферного подхода, в категории «нообиогеоценоз» задается общность (койнос), сопряженность биосфера и геосфера (геосфера) с разумной деятельностью человека. Когда же речь идет о ноосферной системе, число сфер, имплицитно включенных как подсистемы в ноосферный универсум, значительно увеличивается: ноосферная система рождается как целостность биосфера, антропосфера, социосфера, техносфера, энергосфера, информационосфера... При этом следует учитывать, что каждая из перечисленных выше систем сама представляет собой систему, состоящую из подсистем: например, антропосфера «раскрывается» взаимодействием этносферы, демосферы, нациосферы, геносферы, а информационосфера непредставима без включенности в ее пространство киберсферы, семиосферы, лингвосферы (логосферы). В этом ключе ноосферная система (как и ее сверхсистемная презентация) представляет собой целостность, подчиняющуюся универсальному ноосферно-семиотическому закону: «информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество», тогда как «вещество развертывается в энергию, энергия распаковывается в информацию».

Сфера-системно-синергетический подход позволяет обнаружить «за пределами» ноосферной системы очертания метаноосферной системы (как, например, это делает У. Эко, размышляя об отсутствующей структуре): в каждый конкретный исторический момент ноосферная система предстает как презентация разума и его личностных и коллективных возможностей. Учитывая информационную природу ноосферных систем и в целом ноосферной сверхсистемы, проблемы средовой и семиотической безопасности выступают на первый план. В рамках философского дискурса сочетание «эко(лого)-семиотическая безопасность» задает своеобразную сецьюриологическую бинарность: экологическая составляющая отсылает к «онтологии безопасности», выявляя «первопричину» социокультурных рисков и угроз, тогда как семиотическая составляющая отсылает к «когнитологии безопасности», определяя основные причины познавательных аберраций.

ХХ в. убедительно продемонстрировал, что ставший громадным (по Тейяру) мир вступил в эпоху глобальных катастроф, породив мировоззренческие феномены катастрофизма и алармизма. Рубеж тысячелетий, в свою очередь, засвидетельствовал динамику самого катастрофизма, который из сугубо экологического, пройдя стадии геополитического и геоэкономического, трансформировался в антропологический с перспективой стать тотальным. В этом смысле представление А. Г. Дугина о ноомахии во многом объясняет онтологию принципиальной неустойчивости, кризисности мира (в том числе и современного). Категория «ноомахия» допускает не только номинальное определение как «война ума» (от греческих слов *nus* — «ум», «дух», «интеллект», «сознание», «мышление», и «*mahia*», «война», «битва», «бой», «сражение»); ее можно помыслить также как «войну внутри ума», «войну умов», и даже как «войну против ума». Для нас значимо, что в этом контексте пространство мышления рассматривается как поле ведения военных действий с использованием мыслей, выраженных через сложное многообразие вертикальных и горизонтальных эйдетических цепочек [5]. В нашей бинарной логике глобальный катастрофизм предстает как «ноомахия-в-себе» (война фундаментальных логосных структур), и как «ноомахия-для-нас», которую правильнее было бы назвать эйдомахией, понимаемой и ощущаемой как война образов и их символических комплексов. Так, *эйдомахия предстает как определенное интердискурсивное поле, на котором сталкиваются и взаимоопределяются конкретные образы и формируемые ими символические комплексы*. Она разворачивается в неоднородном пространстве, где борются за приватизацию «верного» взгляда на мир доминантные и подчиненные дискурсы.

Человечество, постоянно сталкивавшееся в своей истории с рисками и угрозами, выработало по крайней мере два превентивных способа (механизма) их элиминации — табу (запрещающий) и императив (предписывающий), хотя последний в некоторых культурно-исторических условиях может обретать и табуированный смысл. За последнюю — «табуированную систему безопасности» — ратует, например, Л. В. Лесков, в своей работе «Нелинейная Вселенная: новый дом для человечества» постулируя переход от философемы «что делась?» к парадигме «чего не делать?». На наш взгляд, табуирование, действительно будучи формой негативной императивности, все же ативистично в социокультурном плане, хотя может эффективно работать, например, применительно к доиндустриальным обществам. Придерживаясь тезиса о большей эффективности «императивной системы безопасности», основанной на целесообразном, экзистенциальном выборе, мы рассматриваем в качестве главных императивов этиологии современного человека и человечества экологический и семиотический.

Экологический императив, традиционно связываемый с именем Н. Н. Моисеева, в своей классической формулировке, приведенной в книге «Человек и ноосфера», отсылает к «совокупности условий, нарушение которых будет иметь для человечества катастрофические последствия». (Как мы можем увидеть, его интерпретация выходит далеко за рамки сугубо прикладной экологии.) При этом он выводится из так называемого экологического норматива, который, по Моисееву, «определяет степень максимально допустимого вмешательства человека в экосистемы, при которой сохраняются экосистемы желательной структуры и динамических качеств». В собственно императивистской формулировке он может звучать так: *нынешнее поколение должно оставить последующему поколению биосферу в таком состоянии, при котором гарантируется сохранение социокультурной динамики в прежних масштабах*. При такой постановке проблемы нынешнее поколение, будучи в демографическом отношении малочисленнее последующего, вынуждено «оставлять» больше и потреблять меньше ресурсов с учетом (возможно, экспоненциального) прироста народонаселения. Такая трактовка экологического императива в данном случае носит биосфераориентированный характер. Вместе с тем глобализация, имплицитно предлагающая технизиацию, технократизацию, цифровизацию бытия, ориентирует нас на гораздо более широкий экологический дискурс, который вполне уместно, с легкой руки Н. Н. Моисеева, назвать инвайронментальным. Напомним, что инвайронментальная парадигма показывает, как в систему акторов планетарных процессов, наряду с уже существующими институциональными, включаются средовые, вырастающие из особого взаимодействия форм индивидуального и коллективного сознания. Следяя такой логике, экологический императив принимает следующий вид: *динамика формирования индивидуального и общественного сознания внешней средой (естественной и искусственной) должна обеспечивать возможность восхождения сознания к коллективному разуму*. Императивистский смысл может быть выражен следующим образом: *глобальный разум нынешнего поколения должен обеспечить такие формы синтеза Логики Природы и Логики Истории* (терминология Н. Н. Моисеева), *при которых сохраняются синергетические механизмы и принципы организованности социокультурных систем*. Мы имеем своей целью показать «странные» (внутренне противоречивые) формы отношения, складывающиеся между разумом и средой его обитания: с одной стороны, среда формирует разум, определяя его форму и содержание, но с другой, — разум структурирует окружающую его среду. Эквивалентность отношений не предполагает

(в рамках логического дискурса) ни изменения формы, ни приращения (или редукции) содержания, но это все же происходит. Получается, что перед нами пример импликативной детерминации, и значит, что в этой логической связке есть основание и есть следствие. В рамках ноосферной парадигмы эта дилемма решается в пользу сознания (разума) как фундаментального основания социокультурной динамики.

Сказанное выше не предполагает, что историческая динамика носит исключительно позитивный характер. Императив, будучи своеобразным этологическим эталоном, «визуализирует» идеальные модели мышления и поведения. Однако реальная этология, как показывает локальная и глобальная история, далека от идеала. Семиотический императив в этом контексте выполняет функцию так называемой обратной связи. Последний, являясь производным от семиотического принципа Вяч. Вс. Иванова (о котором речь шла выше), требует, что *знак был настолько адекватен среде своего обитания, настолько среда адекватна жизнеспособности самого знака*. Знаковые элементы – сигнал, знак, символ – есть принципиально разные формы отношения человека к миру, выражающие его реакцию на внешнюю среду. Вместе с тем, совокупность семиотических артефактов создает культурную реальность, которую Ю. М. Лотман назвал семиосферой, что вполне соответствует марксистской концепции «второй природы». Современное человечество все менее и менее взаимодействует с первой природой – биосферой, инкорпорируя в нее инородные компоненты, тем самым нарушая хрупкий экологический баланс. Этот момент и выдвигает на первый план именно семиотическую безопасность в глобальной семиосфере. Знаки, которыми играют люди, этносы, нации, государства, практически никогда в последнее время не оказываются комплементарны принимающей их семиосфере: они возмущают более или менее спокойную рябь локального и глобального социокультурного пространства, вызывая если не взрывы, то своего рода мировоззренческие цунами. Проблема, думается, в том, что состояние гибридного противостояния ведущих geopolитических акторов на «великой шахматной доске», а также партикулярных сознаний элиты и народа, различных страт провоцирует на поиск новых видов оружия массового поражения, в коим безусловно относится и семиотический арсенал (литература, публицистика, кино- и фотодокументы и т.п.). Риски и угрозы здесь связаны с тем, что семиотическая реальность замещает собой историческую. Исторические факты и события превращаются в элементы семиотического континуума: они теряют собственную значимость, включаясь фоном в информационный поток. Познать исторический факт «как он есть на самом деле» более не представляется возможным, ибо он изначально оказывается погружен в коннотативное пространство через посредство сетевой коммуникационной среды и средств массовой информации. Опасность здесь видится в том, что смысл исторических кейсов приносится в жертву их значению в некотором фокусе (локусе) конъюнктурной истории, к чему добавляется семиотическая слепота или близорукость познающего субъекта. Порой, последний интерпретирует те или иные семиотические элементы как серфингист (в терминологии Т. Черниговской), скользя по поверхности смыслов и значений, ограничиваясь считыванием информации; явления когнитивного аквалангизма (углубление в контент, попытка его понимания) встречаются все реже и реже, благодаря цифровизации образования.

В заключение подчеркнем, что возможности разума всегда значительно больше, чем они реализуются в действительности: в любой момент эмерджентность разума может оказаться значительно эффективнее и масштабнее, непосредственно не завися от социально-экономических, социально-политических или технико-технологических условий. Рождение планетарной (мета)ноосферной системы из мозаики ноосферных систем разной степени сложности и совершенства может оказаться спонтанным событием, которое, однако, обуславливается выстраиванием целостной системы цивилизационной безопасности не только на экономическом, geopolитическом и военном уровнях, но и в экологической и семиотической плоскостях, которые в настоящее время оказываются базовыми детерминантами локального и глобального социокультурного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вернадский, В. И. Несколько слов о ноосфере / В. И. Вернадский // Успехи совр. биологии. – 1944. – № 8. – Вып. 2. – С. 113–120.
2. Вернадский, В. И. Автотрофность человечества / В. И. Вернадский // Проблемы биогеохимии. Труды биогеохимической лаборатории. – М. : Наука, 1980. – С. 228–246. – Вып. XVI.
3. Смирнов, Г. С. Цефализация ноосферы: эволюция разумного вещества на рубеже тысячелетий / Г. С. Смирнов // Вестник Иван. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 17–30.
4. Иванов, В. В. О выборе веры в Восточной Европе / В. В. Иванов // Природа. – 1988. – № 12. – С. 26–38.
5. Дугин, А. Г. Ноомахия. Три Логоса / А. Г. Дугин. – М.: Академический проект, 2014. – 447 с.